

48. СТРАНА-КОНСЕРВА

82-летняя Анастасия Войнич шесть лет пролежала мертвой в своей квартире, но не превратилась в прах, что было бы нормой для брэнного тела, а сделалась мумией. Это произошло в городе Молодечно. Мумию обнаружили в 1999 году. В газетах промелькнули сенсационные заметочки. После чего случай был предан забвению.

Бабушка Настя жила одинокой. Однокомнатную квартиру получила в 1973 году. Соседям хвалилась, что в Калининграде у нее родной брат, однако его никто никогда в Молодечно не видел. Когда она исчезла, соседи, наверно, подумали, что поехала к брату, или попала в больницу, или заблудилась на улице. Но, скорее всего, соседи ничего о старушке не думали, когда шесть лет ходили мимо запертой двери, за которой совершались чудеса.

Пока совершались чудеса, бабушкина квартира из одного ведомства перешла в другое. От бухгалтера к бухгалтеру перекочевал ее лицевой счет. Менялись участковые, мэры, дворники, сантехники. Президентская власть сменила советскую, подхватив как эстафету безразличие к судьбе человека.

Анастасия возлежала на полу возле продавленного дивана, облачена была в выцветший халат, являла собой кожу да кости. Если бы панельный дом простоял столько, сколько египетская пирамида, то бабушка лежала бы в квартире-гробнице вечно, как древняя царица. Но жилищная контора в конце концов обнаружила, что за квартиру никто не платит. И бабушка царицей не стала.

Мумификация человеческого тела без искусственного вмешательства — редкое явление. Специалисты утверждают, что для этого нужно особое сочетание температуры, влажности, микроорганизмов. Кроме того, тело должно обладать определенными качествами, способствующими мумификации. Специфической должна быть окружающая среда.

Мумификация — один из лучших способов консервирования человека. Наибольших успехов в этом деле достигли в Древнем Египте, где консервировали знатных людей. Процесс мумификации может произойти и с яблоком, картофелиной, зернышком. Все факторы успешной мумификации, видимо, сошлись в квартире нашей современницы Анастасии, чтобы сделать ее бессмертной. К сожалению, исследовать уникальный случай специалистам не позволили, молодечненскую мумию закопали в землю. Мумификация по-белорусски осталась тайной двадцатого века. Я попытаюсь приоткрыть ее публицистическими средствами.

Чудо, совершенное с белоруской Анастасией, высветило типично белорусское явление, растворенное в общественной атмосфере, как соль растворена в огуречном рассоле: соль не видима, однако определяет суть. Огурцы лежат в специфической среде, не подозревая о ее специфичности. Они не знают, что они неестественные, то есть соленые.

Самоидентификация огурца возможна только за пределами банки. Но как оттуда выбраться? Огурец — не человек, который может уйти, уехать, уплыть, улететь очень далеко, допустим, в Америку, как мой земляк Андрей Яковлевич Прокопчук, уже знакомый читателю.

В Парагвай, напомним, Прокопчук уехал в 1930 году восемнадцатилетним юношей-баптистом, вернулся через 66 (шестьдесят шесть!) лет, чем растопил сердца наших хмурых таможенников, и они помогли старику поднести чемоданы. А через некоторое время, в августе 2000-го, перед гостем возник журналист с вопросом:

— Покидая в 1930-м вместе с семьей и земляками родину, вы, Андрей Яковлевич, кем себя понимали — белорусом, поляком, русским?

— Русским. Отец и мать родились под Брестом. Среднюю школу я окончил по-польски, Западная Белоруссия тогда была польской. В нашей семье поляков не любили, говорили по-русски. Мой отец много лет работал лесничим в Беловежской пуще, гордился, что имел возможность пожать руку царю Николаю II, когда тот приезжал на охоту. При царе, в 1912 году, я родился в деревне Вискули. Никакой Белоруссии мы тогда не ощущали.

— А сейчас, ежегодно приезжая в Беларусь, кем вы себя считаете, господин Прокопчук?

— Русским.

— Вы себя ощущаете как на родине здесь, в Беларуси, или в США, где живете уже шестнадцать лет?

— Здесь, в России.

Наш разговор происходил в Минске, но Прокопчук уточнил: в России. Я встретил реальное чудо — законсервированную в начале 20 века РУССКОСТЬ БЕЛОРУСА. Поверить в чудо меня заставляет одно важное обстоятельство — ответственность Прокопчука перед Богом. Как человек верующий, он не может лукавить, придумывать не существующую для него родину под названием Беларусь.

Господин Прокопчук — образованный информированный господин, а не "сектант", как нередко называют баптистов. В Кобринском музее Суворова озадачил сотрудника вопросом: почему тут прославляют душителя

белорусского восстания и не говорят, что этот захватчик похож на Гитлера? Он объездил все области Беларуси, поражен нищетой здешней жизни, понимает смысл и необходимость национального возрождения, но верен своей душе, а душа его обитает в ... России. Это — не ограниченность. Это — консерва. Огурец, покинув рассол, повидав мир, остался соленым, так и не узнал, что его родина — мягкая грядка, нежные листья, теплое солнце, песня пчелы...

Консерва считается качественной, если сохраняет природные свойства того, что подверглось обработке. Русифицированный белорус Прокопчук, шестьдесят шесть лет отсутствуя на родине, сохранил в себе все свойства того самого белоруса. Какие конкретно? Читатель увидит сам, если внимательно прочитает отрывок из книги моего американского героя:

“К семи часам мы были уже в Кобрине. Моя родственница — старший врач-одонтолог в поликлинике, и я попросил ее проверить мои зубы. Она очень хорошую работу сделала, привела в порядок мои зубы, за что я сердечно ей благодарен. Хотя аппаратура не новейшая, но руки золотые, это главное.”

Андрей Прокопчук — наш человек, хотя давно живет в Америке. Он белорус от зубов до пяток. Он с одобрением говорил мне, как высоко ценят в США правду. Там можно критиковать всех и вся, только будь правдив. Не бойся: за правду не судят. Узнав, что я расскажу о нем читателям независимой газеты, Прокопчук всполошился: как бы чего не вышло? Может, не надо?.. Настоящий белорус! Несчастный белорус, впитавший с материнским молоком и сохранивший в себе девятнадцатый век, век жестокого русификаторства, отлучения белорусов от исторической родины.

— Вы счастливый человек? — спросил я?

— Очень счастливый! — ответил он не задумываясь. — Я познал Бога. Были в жизни трудности, но Бог помог. Теперь я хочу, чтобы и другой человек был счастливый. Мое желание — последние годы жизни полностью посвятить проповеди Евангелия моему народу словом и добрым делом. Молюсь Богу о правительстве Беларуси, чтобы оно имело желанный успех в улучшении жизни народа и чтобы свобода слова, печати и веротерпимость стали очевидной реальностью в этой стране.

С Прокопчуком сложно вести равноправный диалог, он часто сбивается на проповедь, как соловей — на песню, положено слушать не мешая. Он искусный проповедник, наставник проповедников. Не сомневаюсь в его искренности. Сомневаюсь в результативности проповеди. Не могу убедить себя, что Бог заменит в душе Беларусь, и в итоге человек делается

счастливым. Ибо знаю, что такая замена осуществлялась и осуществляется насильственно.

Этот крепкий активный упрямый старик являет собой чистый, без эмоциональных примесей и эгоистических напластований, человеческий результат так называемого воссоединения Беларуси и России, проведенного более двухсот лет назад методом трех разделов Речи Посполитой. Из Манифеста царицы Екатерины II от 13 апреля 1793 года:

“Присоединив на вечные времена к империи Российской от Речи Посполитой польские области, некогда с нею соединенные, потом в смутные времена отторгнутые и доселе разоряемые беспрестанными неурядицами и частыми междоусобиями, разрушавшими сколь тишину и спокойствие общественное, столь уверенность и благосостояние частное, мы видели... оградить обитателей их спокойствием и доставить им правление, основанное на твердых и незыблемых основаниях, и от коего проистекать долженствует правосудие каждому, почитая всегда обязанностью нам приятнейшею и долгом, свыше данным, распространять благодеяние и творить всех, елико возможно, счастливыми.”

Счастье присоединенных подданных начиналось с присяги в верности России. “К учинению присяги следует духовенство, шляхетство, городское мещанство, служащие у шляхетства разного звания люди, словом, кроме одного крестьянства...” Так во исполнение царской воли предписывает псковский губернатор Кречетников капитану Абатурову. Тот обязан, “быв в м. Дисне, исполнить следующее”:

“В главной сего местечка церкви прикажите собраться духовенству, а вы, войдя, объявите начальнику духовенства высочайшее е. и. в. соизволение и прикажите ему публично в церкви прочитать мое объявление...”

По прочтении объявления и плаката духовенство должно первое яко пастыри душевные показать пример начатием в подданнической верности е. и. в. присяги.

На другой день обнародования прикажите всему духовенству, собравшись в главной того местечка церкви, отправить за высочайшее е. и. в. и дражайшего ея наследника здравия всевышнему молебствия, а по отправлении того начать присягу всем находящимся в том местечке, кои будут присягать.

От подполковника Аршеневского посланы будут столбы с российским гербом, вы из оных поставьте один при м. Дисны.”

Бог педантично выполнил воинский приказ, а именно: заменил Беларусь северо-западным краем и объявил его экзархатом Русской православной

церкви, законсервировал белорусскую нацию на начальной стадии развития и сотворил страну-консерву, в которой в конце двадцатого века под Шкловом, известном своими теплицами, вдруг активизировался один огурец, начал шебуршиться в рассоле, расталкивать соседей, вилять необрезанным хвостиком, топорщиться облезлыми пупырышками, чего-то хотеть, куда-то двигаться... Куда? Чего? Зачем?

Действие, напомним, происходит у *слоіку*. Нет ничего оригинального в нашем активном огурце, который никогда не был свежим и зеленым, а родился соленым, как все. Посмотрите внимательнее на содержимое *слоіка* — там не застывшая среда, в рассоле есть движение: огурчики разбухают или, наоборот, морщатся, и те и другие пускают пузырьки, отчего усики укропа шевелятся, зубчик чеснока переворачивается с боку на бок, смородиновый лист опускается вниз, вишневый — поднимается вверх, к самой крышке, а со дна осьминогом тянется косматая грязь ... Вглядитесь в банку с огурцами — вы узнаете Беларусь в период какого-нибудь референдума или выборов.

В полезных советах отмечается, что при засолке огурцы надо укладывать по сортам, размерам, степени зрелости. Тогда в банке не скоро наступят нежелательные явления: плесень, брожение, разложение... Русский капитан Абатуров, учинивший консервирование, умел стрелять, махать шашкой, орать на плацу, пить шампанское, а солить не умел. Он без разбору набросал в банку всего, что попало под руку. Засол получился не высшего качества, бродит, бурлит, выпускает газы. Поставьте *слоік* на солнце: мутно, невзрачно... Я удивляюсь апломбу, с каким социологи докладывают о замерах настроений в белорусской банке. Как можно обнаружить общественное мнение там, где отсутствует общественная атмосфера и где настроение у всех огурцов единое — соленое?

Конечно, нельзя не обратить внимание на огурцы, которые шебуршатся. У них активнее, чем у других, происходят внутренние процессы, вызванные неправильной засолкой. Может, они были недозрелые, может, перезрели, подгнили. Эти сорта разлагаются первыми, вызывают всеобщее брожение и гниение в банке. Чтобы распознать их внешние признаки, определяющие их внутреннее состояние, я перечитал полезные советы огороднику. Дождался яркого солнышка, пронзившего стеклянную банку, и изучил огурчики согласно описанию.

Чтобы мой труд не пропал даром, я перечислю сорта, стимулирующие процесс порчи законсервированной среды. Поскольку дело это серьезное, можно сказать, научное, дам наименование сомнительных сортов по-латыни: *луکشус*, *шушкус*, *грибус*, *шарецкус*, *чигирус*, *богданкус*, *лебедкус*, *статкус*, *вечерус*, *гайдукус*, *калякинус*, *чикинус*, *абрамус*, *федутус* ... Распознать все

подпорченные экземпляры я не сумел: у некоторых отсутствуют признаки не только сорта, но и вида, есть штучки, напоминающие то ли огурец, то ли кабачок, то ли тыкву. Призываю на помощь социологов с задатками натуралистов. Я думаю, у них получится, они серьезнее публициста, будут пробовать огурцы на зуб.

На мой же взгляд, белорусский *sloik* не внушает надежды. Ставь его хоть в погреб, хоть в холодильник, хоть в штаб-квартиру ООН, хоть под контроль ОБСЕ — процесс гниения не прекратится, суть содержимого не изменится. Достичь высшего качества консервирования — мумификации — огурцам не дано свыше. Тут бессильно даже БТ, этот мощный аппарат по консервированию мозгов, душ и тел.

Спасительный сорт надо искать вовне банки. Лучше, если это будет вовсе не огурец, в банке огурец навеки потерял авторитет. Хорошо очистил бы законсервированную среду, привнес бы в нее новые веяния свежий хрен. Чем толще — тем крепче будет оздоравливать.

Сорта спасительного хрена-варяга известны: Рюрик, Адамкус. Первый был призван со стороны на правление в древнюю Русь и спас ее от разложения, второго пару лет назад пригласили из Америки литовцы, в чем не раскаиваются. Белорусам извне пригласить некого, в белорусской диаспоре, пылинками рассыпанной по миру, пока не нашелся реальный предприимчивый богатый умелый управленец страны. Характерный тип белорусской диаспоры являет 88-летний Андрей Прокопчук, из последних сил молящийся о Беларуси. Но Бог почему-то направляет свои благодеяния в прочие земные места.

2000